

Алексей Рафиев

(1972–2023)

Стихотворения

12 июля 2023 года на пятьдесят первом году жизни умер поэт Алексей Рафиев. Отказало сердце. Имя Алексея Рафиева в последние годы его жизни было связано с карнавальной шутовской городской культурой. Если вы хорошенько покопаетесь в социальных сетях, то найдете не одну запись его художественных акций, композиций с различными группами, всё больше психоделическими, записи выступлений и перформансов, сообщения о различных поездках и посиделках, описание всевозможных сейшенов и приключений, что заслонило от нас Алексея Рафиева, как поэта и прозаика. Поэзия Алексея Рафиева имеет отчетливый водораздел – 2011 год, когда, он стал больше уделять внимания театральным действиям и перформансам. Две ранние книги стихов Алексея вышли в начале нулевых, его проза была напечатана в малотиражном альманахе в то же время. Существует множество его публикаций в газетах. Он учился в Литературном институте, но не доучился. Он имел проблемы с законом, он имел проблемы с запрещенными веществами и алкоголем, но в то же время был глубоко верующим человеком, погруженным в православие. Лёша был против войны. Был период, когда он просто странствовал по монастырям и его даже считали юродивым. До конца своих дней это был единственный человек, с которым я мог в любое время поговорить о религии. Он помог огромному количеству людей. До сих пор его статьи о борьбе с наркозависимостью ходят по сети в качестве предупреждений и предостережений. Как человек сложный, эмоциональный, вспыльчивый и острый на язык, он также имел и недоброжелателей, которым насолил не только словом. Он имел проблемы в семье, точнее в семьях. Без Алексея жить было сложно, долго находиться рядом было невозможно. Немыслимая энергетика, которая шла от этого человека, могла, как и обогреть, так и сжечь. Знать, что он рядом, было хорошо, но постоянно находится с ним в непосредственной близости было сложно любому человеку. Он знал огромное количество стихов и мог цитировать их часами. Его любила литературная и музыкальная Москва. Да и провинция тоже любила. Он общался с каким-то невероятным количеством людей из абсолютно разных миров (включая власть имущих и власть неимущих) и миры эти не пересекались, точнее пересекались именно на нем. Он умел любить и ненавидеть, а этого наш порядочный расчет-

ливый буржуазный век никому не прощает. Если можно сказать «человек без кожи», то это об Алексее Рафиеве.

Несмотря на скудные публикации стихи Алексея знали благодаря сети интернет. Он был активным участником не одного сайта со свободным размещением стихов и прозы. Лексика его произведений такова, что даже 15 лет назад было сложно все это опубликовать, тем более это сложно сделать и в наше время. Печать же искореженных текстов принесет мало радости, потому что невозможно обрезать литературу.

Его повесть «Уличный цирк рабочих кварталов» повествует о маргинальных городских низах и чем-то напоминает «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» Хантер С. Томпсона. Его недописанная «Автобиография» так изощренно и сатирически издевается над порнографией, которая буквально пронизывает наш мир, что видимо так и останется ненапечатанной и будет ходить по рукам в электронном виде.

Столь остросоциальный и даже маргинальный подход к литературе, рассчитанный на народную славу, на «движуху» привел к тому, что Алексей Рафиев превратился в персонажа фольклора, но мы практически не знаем или почти забыли Алексея Рафиева, как тонкого лирика. В ниже приведенной подборке представлены некоторые избранные стихи Алексея, написанные с 2001 года по 2011 год и размещенные на Днепропетровском сайте «Термитник-поэзии», который создали Владимир Шевчук и Андрей Новиков. На начало нулевых на этом сайте сконцентрировалась целая плеяда хорошо известных ныне поэтов: Сергей Шестаков, Александр Кабанов, Герман Власов, Алексей Рафиев, Геннадий Каневский, Яна-Мария Курмангалина, Юрий Коньков, Борис Панкин, Михаил Квадратов и многие другие. Об этом можно написать отдельную статью.

В 2011 году после смерти основателей сайта все тексты с этого сайта пропали, но благодаря родственникам Владимира Шевчука нам удалось получить локальную копию сайта, которую бережно все 10 лет хранил мой давний университетский друг Алексей Карпов. В чем ему большое спасибо. Именно из корпуса текстов этого сайта и составлена эта подборка. Алексей Рафиев наплевательски относился к своему творческому наследию. Он не раз забывал логины и пароли, терял ноутбуки со стихами, куда-то у него пропали кипы рун, которые он рисовал в последние годы. Поэтому мы надеемся, что всё его позднее творчество, которое он активно размещал после 2011 года в ныне запрещенной в России сети фейсбук тоже не пропало, и еще найдутся другие его тексты и также будут бережно сохранены.

Вячеслав Харченко, Симферополь.

МОЛИТВА

Папа, Ты видишь – Твой сын в печали.
Ты же все видишь – я ближе, ближе.
Я уже здесь – я почти в начале.
Скоро я тоже Тебя увижу.

Не покидай меня только, только
не оставляй меня на съеденье.
Все так непрочно пока и тонко,
что я кажусь себе серой тенью.

Было так пусто и одиноко.
Вдруг все ожило, зажило, набухло,
и переполнились памятью Бога
каждое слово и каждая буква.

22-11-2006

* * *

«Век мой, зверь мой...»

Осип Мандельштам

Осмотрительная кругом
распахнула свои ресницы,
претворилась сперва врагом,
после – оборотнем столицы

закричала одной собой,
разметала стога по снегу.
Скоро грянет священный бой,
долгожданный для человека.

Зверь скребется внутри нутра,
оставляя на стеклах иней.
Дуют северные ветра –
по следам, вдоль пунктирных линий,

через годы, сквозь ведовство,
в рыжих косах моей столицы.

Колдовство кругом, колдовство
распахнуло свои ресницы

и завыло, и оберег
пошатнулся, но не разбился.
Здравствуй, мой двадцать первый век.
Я – твой крошечный человек.
Видишь, как я к тебе явился?

Чуть ступая по насту дня,
еле чавкая в талую жижу.
Видишь крошечного меня?
Видишь столб моего огня?
Если видишь – я тоже вижу.

Если нет – то и нет суда.
Так и будем играть в потёмки –
без оскомины, без стыда,
без какого-нибудь следа –
в людях спрятавшиеся волки.

22-11-2006

* * *

Жить бессмысленно. Особенно зимой.
Холодно. Кальсоны. Батарейка.
Ходишь очумелый, неземной,
с каждым днем еще сильнее зверея.

По утрам такая благодать,
словно мир под галаперидолом.
Очень увлекательно гадать –
намело ли за ночь перед домом?

В теплый шарф заматывая рот,
чувствуешь, что сердце бьется ближе –
всякий раз, как видишь свой народ,
с детства навсегда влюбленный в лыжи.

* * *

ты сопишь так нежно и тревожно
ты во сне мне кажешься княгиней
я тебя потрогаю – мне можно
я люблю изгибы твоих линий

ты сегодня очень утомилась
ты уснула, ночь играет в прятки
я люблю – и в этом Божья милость
я с тобой, а значит – все в порядке

спи, родная – пусть тебе приснится
белый дом и много-много снега
ты – такая легкая ресница
и такая призрачная нега

24-11-2001

* * *

Я ребенок башенного крана
и почти умершего трамвая.
На меня сошли с телеэкрана
первая, вторая мировая.

Я учился музыке у Блока,
я читал про то, как плачет Таня.
Но двадцатый век уже отколол.
До свиданья, друг мой, до свиданья.

Память, ты слабее год от году.
Это не причина, только повод
лишний раз убить свою свободу,
замотаться в телефонный провод

и хрипеть в осипшую мембрану,
одурев от кофе и амбиций -
я ребенок башенного крана,
я случайно выживший патриций.

Тихо ходят стрелки по запястью,
время перемешивая с ленью.

Слишком мало было в жизни счастья,
если брать на душу населенья.

2001

(немного китайское)

/Леониду Бежину/

1.

Засмотревшись с утра на небо,
я подумал, что жизнь случайна,
и мы кружимся в ней нелепо,
как вот эта глупая чайка,

в облаках потерявшая разум.
Я подумал о том, как странно
мы живем – по заученным фразам,
умирая по разным странам.

2.

Здесь не хочется даже бриться,
лишь посмотришь на небе просинь.
Пятый день, как жара за тридцать.
А еще говорят, что осень.

Еле видно качнулось небо.
Здесь закаты, как сок граната...
Что угодно, но только мне бы
оказаться здесь года на два.

3.

Сегодня после обеда
ездил на местный рынок –
при помощи велосипеда
привез килограмм икринок

и два небольших арбуза.
Было немного тяжко,
но сам себе не обуза –
хоть и промокла рубашка.

4.

Одурев от бабьего лета,
не спеша ковыляю к водиче.
Надо мною летает эта –
как ее там? – морская птица.

Я войду вначале по пояс.
Море теплое будет такое.
Окунусь и вдруг успокоюсь.
Счастье может быть и в покое.

5.
Весь день лежал у самой кромки.
Чуть слышно волны шелестели.
Прогрел свои татуировки
и приобрел загар на теле.

Смотрел, как в солнечном прибое
играли рыбки и креветки.
И небо было – голубое,
и облака в нем были редки.

6.
Перистые облака,
легенький ветерок.
Я здесь издалека
и на короткий срок.

Волны шумят в ушах.
Пяťясь к воде, как краб,
делаю первый шаг
и погружаюсь в рябь.

7.
Я неделю прожил без прессы.
Вероятно, оно так и надо –
любоваться на волнорезы,
улыбаясь лучам заката.

Я оставил свои запарки
и уехал туда, где волны
тихо бьются в рыбацьи барки,
заглушая локальные войны.

8.
Говорят, здесь зимы короче
и теплей, чем у нас намного.
А еще – здесь темнее ночи
при отсутствии гари и смога.

Говорят, заблудиться в Лете,
что в степном утонуть угаре.
А еще – здесь румянее дети
при отсутствии смога и гари.

9.
Я сегодня дойду до обрыва.
собираюсь уже дней восемь
посмотреть, как Большая Рыба
гонит волны разбиться оземь,

как ее плавники лоснятся,
отливая багрянцем меди,
как ее рыбаки боятся...
Мне бы только ее заметить.

10.
Как-то я не у дел
вторую неделю подряд –
капельку похудел
и постоянно рад.

Дни напролет лежу
где-нибудь на берегу –
так сказать, на пляжу –
жареный, как рагу.

11.
Привкус соленых брызг
у загорелых тел.
Я разругался вдрызг
с миром идей и дел.

Позагораю всласть,
сам превратившись в кладь.
Проще на все накласть,
если морская гладь.

12.
К морю приходят коровы,
прилетают стаи ворон,
со стороны Европы
и со всех остальных сторон

к морю идут мужчины
и тянут с собой женщин –
как будто бы без причины –
от Солнца глаза зажечь им..

13.
Тополей золотые разводы
незаметно уводят в осень.
И ложатся на тихие воды
сладкий запах сентябрьских сосен.

Через день я сяду на поезд
и увижу в купейном окошке –
звезды сыплются в Красный пояс,
как в огонь залетевшие мошки.

14.
Вот и закончена книга.
Ветер листает страницы.
Эхо птичьего крика
со стороны станицы

падает на побережье
в первых лучах рассвета.
Как же я мог прежде
не замечать все это?

15.
На луне какие-то пятна.
Во дворе играют котятка.
Мне пора уезжать обратно.
Может, я и вернусь когда-то.

Увожу ощущение лета
и предчувствие непогоды.
Может, я затеряюсь где-то
и найдусь через многие годы.

16.
В море скулит простуда,
сдавшись на милость стихии.
Когда-то мы вышли отсюда.
теперь мы совсем другие.

Теперь мы совсем не похожи
на тех, кто стоял в начале –
под ветром кутаясь в кожи.
Если смотреть ночами –

то кажется – небо к низу
стекает созвездием Рыбы...
...а я – иду по карнизу –
и разбиваюсь о рифы.

сентябрь 2001 г.

* * *

Контрастный душ. Похмелье, как рукой...
Мы попрощались, не сказав ни слова.
То был не я. То был опять другой –
очередной герой из Гумилева,

вооруженный зреньем узких ос...
Со мной была не ты – другая дама.
И закружило нас, и понеслось –
до чертиков, до строчек Мандельштама.

И вот – один. Холодная вода
на голову, и масса угрызений.
Так иногда бывает, господа.
Об этом написал еще Есенин.

23-6-2001

* * *

...а дальше – я умер, и больше ни-ни –
ни слова, ни всхлипа, ни шарканья тапок.
Прошу, не пиши мне тогда, не звони –
я умер – к Земле опрокинулся на бок

и долго лежал в неуютном снегу.
Чуть позже – очнулся и понял, что тело
свое ощутить никогда не смогу..
И передо мной было все очень бело –

снега, кубометры искрящейся мглы.
Я умер – и все! Через тернии к свету
ушел, как уйти до меня не смогли...
Меня похоронят в ту самую среду,

когда Рождество. Будет все, как всегда –
любимая люстра, знакомые лица...
...я – мертвый, а ты – холодна и седа,
и можно не жить, не смеяться – илиться.

14-12-2001

* * *

/Владимиру Теплицкому/

Разлуки, встречи. Встречи, разлуки.
Жизнь продолжается. Шпалы, рельсы.
Ровно девять часов до скуки
или, если угодно, до стресса.

Встречи, разлуки. Разлуки, встречи.
Жизнь, состоящая из многоточий.
Мы попрощались в июльский вечер...
...если угодно, в белые ночи.

* * *

Видно, лед никогда не тронется.
Знай – гляди и мотай на ус...
Помогла бы нам, Богородица, -
в коем веке тебе молюсь.

В этом хаосе бездорожия,
в этой Богом забытой стране –
помогла бы нам, Матерь Божия,
не угаснуть... и мне... и мне...

и ему, и тому, и этому,
не читавшему Бытия.
Коль Тебе ничего не ведомо –
все погибнет... и я... и я...

Как на женщину свою первую
я гляжу на церковный свод –
и опять почему-то верую.
Видишь? – вот он я, вот Он, вот.

2-01-2001

* * *

Самое странное в этом
мире, всеми забытом, –
молча следить за светом
или за чьим-то бытом.

Или забыть все к черту...
Тень поползет на стену.
Я, по большому счету,
молча играю с тенью.